

Советский период

В западной идеологии и пропаганде после 1985 года советский (коммунистический) период российской истории рассматривается как черный провал, а брежневский период — как застойные годы. Россию даже окрестили «империей зла». Я считаю это не просто заблуждением, а умышленной фальсификацией реальности. Коммунистическое общество, как и всякое другое, имеет свои недостатки — идеальных обществ вообще не существует. Зла человечеству западная цивилизация причинила в тысячи раз больше, чем коммунизм. На Западе в свое время тревогу породил отнюдь не «черный провал» и не «застой» в советской истории, а, наоборот, беспрецедентные успехи Советского Союза во всех сферах жизни и заразительный пример коммунизма для сотен миллионов людей на планете. Нужно быть просто циничным негодяем, чтобы отрицать то, что было достигнуто и сделано в этот период именно благодаря коммунизму. Потомки, которые более справедливо отнесутся к этому времени, будут поражены тем, как много было сделано в эту эпоху, причем в тяжелейших исторических условиях. Уже сейчас миллионы русских людей с тоской вспоминают о том, что они потеряли, став сообщниками разрушения своего социального строя.

Брежневские годы не были годами некоего застоя. Словечко «застой» — идеологическое клише в языке реформаторов и их западных наставников. В эти годы произошли огромные перемены в стране сравнительно с предшествовавшими годами. Было построено огромное число новых предприятий. Необычайно усложнились хозяйство, культура и бытовая жизнь людей. Вырос образовательный уровень населения. Улучшились бытовые условия. Размах жилищного строительства для рядовых граждан превзошел все то, что имело место в странах Запада. Были достигнуты огромные успехи в науке и технике. Достаточно упомянуть об успехах в космосе и в военной промышленности. Были подготовлены в большом числе первоклассные специалисты в самых различных сферах науки и культуры. Обо всем этом еще не так давно писались бесчисленные книги на Западе, авторы которых вовсе не были коммунистами.

Тот факт, что одновременно в стране происходило наращивание экономических и бытовых трудностей, а также усиление морального и идейного разложения общества, ничуть не противоречит сказанному выше. Это свидетельствует лишь о сложности и противоречивости исторического процесса.

Несмотря на пресмыкательство перед Западом, в советский период выработалась вполне реалистичная концепция исторической стратегии. Основные ее пункты таковы. Первый пункт — идти своим самостоятельным путем, не тягаться с Западом в экономике, развивать социальный аспект общества (социальные права и гарантии), прививать людям свою систему ценностей (коммунистическое воспитание). Второй пункт — воздействовать на отсталые и эксплуатируемые народы мира не только своим примером, но и оказывая им помощь в их национально-освободительной борьбе. Третий пункт — развитие военной промышленности, укрепление вооруженных сил, мировая активность с опорой на военную мощь. И вряд ли кто будет оспаривать тот факт, что Советский Союз добился грандиозных успехов, став второй сверхдержавой планеты.

Хочу обратить внимание читателя на одно в высшей степени важное обстоятельство. Коммунистическое общество, сложившееся в советский период, не было случайным нагромождением разнородных и независимых друг от друга явлений. В нем различные его части, органы, ткани, сферы и т.п. были скоординированы, соответствовали друг другу, обуславливали друг друга, короче говоря, находились в органическом единстве, образовывали органическое целое. И как бы мы ни относились к нему, независимо от наших субъективных оценок оно объективно было целостным социобиологическим организмом. Сложилась устойчивая организация многомиллионных масс населения и многих сотен тысяч предприятий и учреждений. Даже маленькие изменения в этом гигантском объединении зависели от бесчисленного множества факторов. А всякое значительное преобразование, которое само по себе (то есть взятое изолированно) казалось разумным и возможным, на деле могло оказаться вообще невозможным или могло привести к негативным и даже катастрофическим последствиям. Советская история давала бесчисленные примеры на этот счет.

Высшее советское руководство доперестроечного периода, опиравшееся на практический опыт проб и ошибок многих десятилетий, отдавало себе отчет в том, о чем я только что сказал. Оно проявляло вполне объяснимую осторожность и даже явный консерватизм в отношении радикальных преобразований. Дело тут было не в субъективных качествах правителей, не в отдельных бюрократах, которые якобы не хотели изменений. Дело тут было в совокупной системе социальных отношений, вынуждавших становиться консервативными бюрократами всех вовлеченных в нее людей. Напомню, что будущие реформаторы сами были членами этого руководства. Они не меньше других, а скорее всего больше других старались в этом духе, ибо усерднее и лучше других служили консерваторам-начальникам. Более того, рассматриваемый консерватизм был вполне естественной самозащитной мерой против изменений, угрожавших самим основам советского общества.

Я думаю, что западные стратеги «холодной войны» в отличие от советских реформаторов понимали сущность и важность консерватизма доперестроечного советского руководства, а именно понимали, что этот консерватизм был важнейшим условием стабильности и живучести советского общества. Западная пропаганда начала педантично вбивать в головы советской правящей и идеологической элиты мысль, будто «дальше так жить нельзя», будто «нужно что-то делать». И она добилась выдающегося успеха. В России до сих пор не могут избавиться от этого наваждения. До сих пор люди не могут признаться себе в том, что эта идейная установка была началом всех последующих бед. В ситуации тех лет надо было набраться терпения и сделать все зависящее от людей, чтобы не делать ничего радикального.

Идеологией «нужно что-то делать» заразились молодые карьеристы из партийного и идеологического аппарата, начавшие успешную карьеру еще в сталинские годы и прошедшие школу сталинского волюнтаризма. Что именно нужно делать, они не знали. Зато это отлично знали их западные наставники и дирижеры. Последним сильно повезло: дорвавшиеся в 1985 году до высшей власти реформаторы сделали неизмеримо боль-

ше того, на что рассчитывали на Западе. Как говорится, заставь дураков Богу молиться, они рады лоб расшибить!

Общий жизненный уровень в Советском Союзе в брежневский период был сравнительно высокий, думаю, что самый высокий за всю историю России. А в некоторых районах он был выше, чем даже в западных странах (например, в Грузии). Когда теперь западная и прозападная пропаганда в странах бывшего Советского Союза вопит о том, что будто бы население было нищим, особенно в национальных республиках и областях, то это наглая ложь.

Анализ социальной структуры советского населения и образа жизни различных слоев убедительно говорит о том, что в стране почти никто (за редким исключением) не думал ни о каком переходе от социализма (коммунизма) к капитализму. Даже жулики не думали об этом, поскольку они были советские жулики, то есть имели возможность наживаться нечестным путем именно за счет условий советского общества. Идеи перехода к капитализму пришли позднее, причем сверху и извне, а не из недр общества. Перестройка началась не с них. Горбачев в начале своей деятельности в качестве главы власти клялся в верности социализму и грозился усовершенствовать его.

Бесспорно, в Советском Союзе было много недовольных. Фактически недовольны были все слои. Все мечтали о чем-то своем — о более высокой зарплате, о свободе творчества, о зарубежных поездках и зарубежных вещах и т.п. Но это, повторяю и подчеркиваю, не означало желания поломать свой социальный строй и установить вместо него капитализм. Идея смены общественного строя пришла уже в ходе перестройки, когда стало ясно, что ее замыслы провалились. Эта идея возникла на высотах власти под давлением Запада и оттуда была спущена в массы как новая установка. И тогда свора советских ловкачей и приспособленцев ринулась выполнять эту установку, стараясь урвать для себя от нее как можно больше. Это была советская, то есть коммунистическая, реакция на распоряжение власти, а не созревшая в глубинах общества потребность. Класс частных начал создаваться искусственно, причем в основном из уголовников и как класс уголовников. Уголовные элементы совет-

ского общества стали опорой реформаторов лишь на основе рассматриваемой установки, но они не были значительным социальным слоем, стимулировавшим эту установку.